

4. Нестеренко М.С. Забота уральских партийных организаций о материально-бытовом и культурном обслуживании трудящихся в годы Великой Отечественной войны // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1966. С. 87; ЦДО-ОСО. Ф.4. Оп.38. Д.553. Л.32; ГАНИОПДО. Ф.105. Оп.1. Д.132. Л.259.
5. ГАНИОПДПО. Ф.105. Оп.1. Д.128. Л.158; Д.175. Л.231. Нестеренко М.С. Забота партийных организаций..., с.67; ЦДООСО. Ф.4. Оп.38. Д.60. Л.61; Оп.25. Д.519. Л.151.
6. Таблица составлена по материалам: ГАНИОПДО. Ф.105. Оп.1. Д.104. Л.189; Д.132. Л.209; Д.237. Л.62; ЦДООСО. Ф.241. Оп.1. Д.233. Л.206-208; ПАСО. Ф.4. Оп.25. Д.408. Л.185; ЦДНИЧО. Ф.288. Оп.41. Д.18. Л.67.
7. Уральский рабочий. 1944. 4 апр.
8. Челябинский рабочий. 1944. 6 июня; Звезда. 1944. 11 авг.
9. ЦДООСО. Ф.4. Оп.40. Д.878. Л.23, 75.
10. ГАНИОПДПО. Ф.105. Оп.1. Д.237. Л.62; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп.41. Д.18. Л.67. ЦДООСО. Ф.4. Оп.25. Д.408. Л.185.
11. ОГАЧО. Ф. П-105. Оп.1. Д.237. Л.62.
12. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп.41. Д.18. Л.67.
13. Якунцов И.А. Коммунисты Урала в борьбе за улучшение продовольственного снабжения тружеников индустрии в годы Великой Отечественной войны // Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938-1958). Свердловск, 1982. С.59.
14. Антуфьев А.Л. Материальное благосостояние рабочего класса Урала в годы Великой Отечественной войны // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма. 1937-1975. Свердловск, с.91.

Фельдман М.А.
(Екатеринбург)

"Культурная революция" в СССР. Постскрипtum

Тема "культурной революции" занимала одно из ведущих мест в советской историографии (1). Например, в 1960 – 70 е гг. в СССР по этой тематике в среднем за год защищались примерно 30 кандидатских и 3 докторских диссертаций (2). При этом культурная революция рассматривалась как "коренное преобразование всей духовной жизни, имеющее своей целью создание новой, социалистической культуры взамен старой, буржуазной" (3). Незыблемыми считались хронологические рамки культурной революции: они соотносились с границами переходного периода, т. е. до 1937 г. (4).

Предельная идеологизация указанных работ приводила к тому, что особенностью и сущностной характеристикой трудов по истории культуры 20 – 30 гг. стало апеллирование отдельными показателями различных областей культурного строительства; отсутствие сравнительного анализа культурного потенциала СССР и зарубежных стран. Тот источник, который, каза-

лось бы, должен был широко изучаться и комментироваться, – материалы Всесоюзных переписей населения – либо был на десятилетия засекречен (переписи 1937 и 1939 гг.), либо использовался крайне выборочно и тенденциозно. Введенная в научную литературу информация о динамике удельного веса грамотных не сопровождалась соответствующим анализом массива лиц, имеющих начальное, незаконченное среднее, среднее и более высокое образование. Сведения об изменениях в работе школ, техникумов и вузов; театров, библиотек других культурных учреждений черпались из донесений партийных органов, как правило, далеких от реальности. По большому счету, спустя почти семь десятилетий после проведения Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг., наше общество не знает итогов своего культурного развития в 20 – 30 е гг. XX в.

Рассмотрим проблему "культурной революции" на примере общеобразовательного уровня рабочих – "класса-гегемона". Выход в свет в 1980 г. статьи новосибирского историка Ф.А. Лукинского "Повышение уровня образования рабочих Сибири (1938 – 1941 гг.)" (5) не мог не вызвать изумления у историков, занимающихся предвоенным периодом. Мало того, что автор спокойно оперировал данными по "засекреченной" в то время Всесоюзной переписи населения 1939 г. Ф.А. Лукинский вводил в научный оборот данные по распределению рабочих Сибири по уровню образования. Этим не мог похвалиться ни один исследователь, изучавший региональный или общесоюзный аспект состояния культуры рабочих в 30-е гг. XX в.

Показатели: уровня неграмотности рабочих – 22,1 % от всех рабочих Сибири в январе 1939 г., (в том числе, 30 % в Новосибирской области!); удельного веса рабочих, грамотных, но без школьного образования – 62,3 % – звучали ошеломляюще (6). Получалось, что "после победы социализма" в СССР 84,4 % рабочих гигантского региона не имели школьной подготовки. Только 4,8 % рабочих Сибири имели семь классов образования и выше. Уровень образования у остальных 11,8 % рабочих колебался от одного до шести классов школьного обучения (7). Впечатление от смелости сибирского исследователя усиливалось при знакомстве с хорошим динамичным стилем изложения.

В 1940 г. во всей промышленности Сибири было задействовано 770 136 рабочих (8). Однако, во *всем народном хозяйстве Сибири*, действительно, указанная Лукинским численность рабочих Сибири в январе 1939 г., (2904,9 тыс.) была близка к сведениям, имевшимся в литературе (9). Инструментарий переписи 1939 г. не содержал указания о распределении *рабочих* в зависимости от образования (с разбивкой по количеству классов школьной подготовки) по областям, ограничиваясь данными по уровню грамотности. Согласно инструментарию такое распределение касалось *всего населения*.

Однако материалы дела № 1136 (РГАЭ. Ф.1562. Оп. 336. Д.1136), несущие сведения по общеобразовательному уровню рабочих народного хозяйства СССР, содержали тот принцип распределения рабочих в зависимости от образования, на который ссылался Ф.А. Лукинский. Обращало внимание и нарочитая усложненность подсчета: в деле приводились интересные данные по образованию рабочих отдельных профессий, но отсутствовали сводные расчеты по промышленности. Складывается впечатление, что с помощью высокопоставленного покровителя (10), в конце 70-х гг. Ф.А. Лукинский получил доступ к тем делам, которые либо были уничтожены, либо скрыты и место их хранения известно сегодня только компетентным органам. Я надеюсь, что общими усилиями корпорация историков разгадает эту загадку, отдав при этом должное сибирскому первопроходцу.

В литературе давно известны, широко используются сведения об удельном весе рабочих ряда профессий по материалам переписи населения СССР 1939 г. (11). Однако материалы уже упомянутого дела № 1136 несут куда более обширную и не введенную в научный оборот информацию. Попробуем систематизировать и обобщить сведения этого дела.

Таблица 1

Общеобразовательный уровень рабочих народного хозяйства СССР по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г*

Категория рабочих	Всего рабочих в (тыс.)	Доля рабочих (в %) :					
		неграмотных	с образованием 7 классов и выше	с высшим образованием	обуч. в школах взрослых	обуч. в техникумах	обуч. в вузах
металлисты	3800	2	15,2	0,04	0,2	0,3	0,06
горняки	569	10,4	4,4	0,3	0,1	0,9	0,01
деревообра- ботчики	671	5,5	6,2	0,03	0,1	0,2	0,01
текстиль-щики	749	9,5	5,6	0,013	0,1	0,1	0,01
швейники	397	5	7,6	0,14			
кожевники	104	7,5	4,5	0,01	0,2	0,1	
рабочие лесо- загото- вок и лесосплава	582	15,7	3,7	0,16	0,1	0,1	–
сельскохозяй- ственные ра- бочие	2394	14,3	1,7	0,038	0,14	0,006	0,002

* РГАЭ. Ф.1562. Оп. 336. Д.1136. Л.9 – 11.

В январе 1939 г. среди всех рабочих народного хозяйства СССР 8,4 % имели образование от семи классов и выше (12). Как видно из материалов

таблицы, профессиональный диапазон рабочих с образованием семь классов и выше был велик: от 1,7 до 15,2 %. Практически таким же (от 2 до 15 %) был диапазон удельного веса неграмотных рабочих, отражая обратную пропорциональность двух рядов цифр. И та, и другая образовательная категория рабочих были в меньшинстве, значительно уступая доминирующей группе советских рабочих с образованием 1–6 классов. Наличие в 1939 г. рабочих с высшим образованием, по нашему мнению, объясняется практикой учета в составе рабочих коллективов работников комсомольских, профсоюзных и партийных органов.

Ряд позиций в таблице порождает вопросы. Вызывает недоумение большее количество рабочих с высшим образованием у массива горняков, нежели у металлургов в шесть раз превосходящих горняков по численности. Невелик был отряд рабочих, обучавшихся в техникумах и вузах. Но, возможно, учитывались только рабочие, студенты вечерних отделений. Статистический справочник "Культурное строительство СССР" (М.-Л., 1940) показывает наличие на 15 сентября 1938 г. в СССР 582 663 студентов вузов, а также 246 941 студента заочных институтов и заочных отделений, не вошедших в состав студенчества (13). Об этом же свидетельствует, например, сопоставление численности студентов Урала по справочнику "Культурное строительство СССР" на январь 1939 г. (27 957) и по архивным данным – 46 208 (14).

Как свидетельствуют материалы таблицы, после 7 класса обучались от 0,1 до 1,3 % рабочих. Для промышленных рабочих был более характерен второй показатель (т.е. 1,3 %). Сдвиги в образовательном уровне рабочих СССР были налицо, но вряд ли их можно было называть революционными.

Но как смотрелись наши показатели на фоне западных? Попробуем сравнить хронологически близкие показатели образования в СССР и США. Уровень образования в США в возрасте 25 лет и старше представлял в 1940 г. следующую картину. 24,5 % населения имело образование не ниже среднего (15).

В СССР по данным переписи 1937 г. среднее образование (включая незаконченное среднее, т.е. 7 классов) имели 4,9 % населения (16). Сопоставление однородных массивов (т.е. лиц 25 лет и старше) дает следующую картину: в СССР образование 7 классов и выше имели 6 % (17). По данным переписи 1939 г. этот показатель (среди всего населения) таинственным образом подскочил до 7,8 % (18). Те., за 2 года с 4,9 до 7,8 %.

Высшее образование в США (включая четырехлетние колледжи) в 1940 г. в возрасте 25 лет и старше в 1940 г. имели 4,6 % (19). В СССР по данным переписи 1937 г. высшее образование получили 0,56 % населения (20). В возрасте 25 лет и старше дипломами вузов обладали 0,53 % советских людей (21). Таковы расчетные данные по материалам «арестованной»

переписи 1937 г. В 1939 г. по официальным, но опубликованным только в 1992 г. данным, 0,64 % советских людей имели высшее образование (22).

Внешний взгляд показывает: мы отставали на **порядок**. Но сравнимы ли были программы обучения? Конечно, этот вопрос требует дополнительного изучения. Однако, приведенная выше информация, убедительно показывает глубину отставания СССР в сфере образования. Выручала концентрация специалистов в немногих центрах, военно-промышленных институтах. Но в еще большей степени – та старая, традиционная культура населения, которую и должна была уничтожить "культурная революция".

1. Зак Л.М. История изучения советской культуры. М., 1981. С.52.
2. Там же. С.62.
3. Ким М.П. Сущность и этапы культурной революции в СССР // Вопросы истории КПСС. 1960. № 6.
4. Ермаков В.Т. О содержании и хронологических рамках культурной революции в СССР // Вопросы истории. 1966. № 10. С. 36.
5. Культура и быт рабочих Сибири в период развитого социализма. 1938 – 1958 гг. Новосибирск, 1980. С.5 – 22.
6. Там же. С. 30 – 31.
7. Там же.
8. Рассчитано по: РГАЭ.Ф.1562. Оп.329. Д.811. Л.12.
9. История советского рабочего класса в шести томах. Т.3. М., 1984. С.109. Текст приведенной страницы сообщает, что в промышленности Сибири работало от 26 до 32 % рабочих народного хозяйства.
10. Осведомленные коллеги в Екатеринбурге и Новосибирске отмечали родственные связи Ф.А. Лукинского и Е.К. Лигачева.
11. История советского рабочего класса в шести томах. Т.3. М., 1984. С.117; Изменение социальной структуры советского общества: (1921 – середина 30-х годов) М., 79. С. 209.
12. Там же.
13. Культурное строительство СССР. М.-Л., 1940. С.118.
14. РГАЭ. Ф.1562. Оп. 329. Д. 1069. Л. 36, 71, 92-93, 114, 149, 170, 210.
15. Государство и образование: опыт стран Запада. М., 1992. Сборник обзоров. С.40. Речь идет о полном среднем образовании.
16. Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3-х томах. Т.1. 1900 – 1939 г. С. 390. (Данные по РСФСР).
17. Рассчитано по: Всесоюзная перепись 1937 г. Основные итоги. М., 1991. С.100.
18. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 49.
19. Государство и образование: опыт стран Запада. М., 1992. Сборник обзоров. С.40.
20. Рассчитано по: Всесоюзная перепись 1937 г. Основные итоги. М., 1991. С.100.
21. Рассчитано по: Всесоюзная перепись 1937 г. Основные итоги. М., 1991. С.100.
22. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 49.